

Солнце уже клонилось к закату, когда Красавец наконец остановился. Иэрдань тоже осадил коня, спрыгнул на землю и подошёл к его лошади, раскрыв объятия. Красавец послушно спрыгнул к нему, и едва Иэрдань поймал его, как принялся страстно целовать. Красавец не сопротивлялся, молча принимая его ласки. Иэрдань, крепко держа его, покатился с ним за травяной склон, прижал к земле и продолжал целовать, покусывая губы. Красавец, видя, как Иэрдань, сидя верхом на нём, стаскивает одежду, отчаянно отвернулся. Иэрдань расстегнул штаны, взглянул на Красавца и, дрожащими руками, начал распускать его застёжки. Красавец закрыл глаза; по его пылающим щекам скатилась слеза, но он так и не отказал.

Иэрдань мягко снял с него одежду. Увидев обнажённую на ветру нежную кожу, он почувствовал, как сердце готово выпрыгнуть из груди. Его потные ладони скользнули по тонкой, будто из яшмы, талии Красавца, мягко проникли под пояс.

Тихий стон вырвался из губ Красавца. Иэрдань, не колеблясь больше, сдёрнул с него штаны и прижал к себе. В сгущающихся сумерках степи Иэрдань наконец вошёл в Яньчжи, нежно обняв её и страстно целуя в губы. Красавец молча подчинился, сам обвил его бёдра ногами. Иэрдань, предавая отца, осквернял его Яньчжи. Он тяжело дышал, прижимаясь к ней, и спросил, покраснев:

— Яньчжи, зачем ты позвал меня?

Красавец, чувствуя, как его заполняют, сам направлял движения внутри себя и, целуя Иэрданя в ответ, прошептал:

— Мне нужна твоя помощь.

Иэрдань уже догадывался об этом, но, услышав, всё равно сжалось сердце. Он целовал его и спрашивал:

— Что случилось?

Красавец не решался говорить прямо, боясь отказа. Он мягко обнял Иэрданя, ласково целуя его в губы, словно заискивая. Иэрдань, любя его, взял его лицо в ладони и спросил:

— Что именно, Яньчжи? Чего ты хочешь от меня?

Затем, с трудом сдерживаясь, он вошёл глубже и, глядя на его тело, продолжил:

— Ты позвал меня сюда, чтобы я помог тебе в делах, связанных с императором Хань?

Красавец вдруг замер, весь похолодел. Иэрдань, разгневанный его неверностью и отцу, и себе, яростно двинулся в нём, хотя и сам был демоном, соблазвившим отцову Яньчжи. Глаза Красавца наполнились слезами; он обнял Иэрданя и взмолился:

— У-у... Ты же согласишься, правда?

Ему действительно не оставалось выбора. Он чувствовал, что умирает, каждый день, запертый в степи, был пыткой. Иэрдань поднял его, усадив к себе на колени, обнял и спросил:

— Что именно?

Красавец, обнимая горячее тело юноши, дрожа и отчаянно умолял:

— Иэрдань, отвези меня в Лоян. Прошу, умоляю тебя.

Иэрдань резко остановился и холодно уставился на него. Красавец уже превратился в заплаканную размазню, сидя на его коленях без тени достоинства, закрыв лицо руками:

— Умоляю, я умоляю тебя, отвези меня обратно... У-у...

Рыдания его становились всё громче. Иэрдань, не выражая никаких чувств, смотрел на него какое-то время, потом вдруг оттолкнул и встал. Молча начал застёгивать штаны. Красавец, брошенный на траву недоудовлетворённым, с болью смотрел на него:

— Пожалуйста...

Иэрдань, оправив одежду, стоял перед ним с обнажённым торсом. Его мужественное, резкое лицо выражало презрение. Он был принцем хунну и не мог отпустить пленника-ханьца, даже если это была его любимая Яньчжи. Красавец рыдал, готовый потерять сознание. Солнце село, сгушалась тьма. Иэрдань, опустившись на колени, начал его одевать: натянул штаны, обул, застегнул одежду и поправил шапку.

Всхлипывающего Красавца Иэрдань посадил на лошадь. Тот, обнимая шею коня, всё ещё умолял:

— Иэрдань, прошу тебя, умоляю... у-у-у...

Иэрдань молчал. Следом за ним, бледный и холодный, он вёл белую кобылу Яньчжи вниз по склону. Неподалёку Хулэ, наконец-то запыхавшись, подбежал, ведя своего коня. Увидев принца с голым торсом, ведущего под уздцы лошадь Яньчжи, а саму Яньчжи — рыдающей в гриве, будто её только что обидели, Хулэ глаза вытаращил.

Откуда-то в нём родилась смелость. Внезапно, словно телёнок, он бросился на принца. Лицо Иэрданя потемнело; он просто ударил ногой Хулэ в живот. Тот шлёпнулся на спину, растопырив конечности.

Красавец вскрикнул. Увидев, как Хулэ, извиваясь тучным телом, снова поднимается, чтобы таранить Иэрданя, он закричал в отчаянии:

— Хулэ, остановись!

Хулэ не слушал. Как разъярённый носорог, он снова рванулся на Иэрданя. Красавец, вне себя от злости, хлестнул его кнутом. Получив удар, Хулэ обиженно и гневно уставился на него. Красавец, смутившись под этим взглядом, рявкнул:

— Возвращайся!

Хулэ стоял неподвижно, уставившись. Иэрдань опустил поводья и холодно бросил:

— Отвези Яньчжи обратно.

Красавец с разочарованием посмотрел на Иэрданя и зарыдал:

— Иэрдань!

Иэрдань не взглянул на него. Голый по пояс, он подошёл к своему коню, вскочил в седло и стрелой умчался прочь. Рыдающий Красавец был отведён Хулэ обратно в царский двор. Когда они вернулись в шатёр, ночь была уже глубока. Шаньюй, закончив дела и не дождавшись Яньчжи, разгневался, узнав от слуг, что та уехала кататься, чтобы развеяться.

Увидев свою Яньчжи с опухшими от слёз глазами, он в ярости спросил:

— Где ты была?!

Красавец, отвергнутый Иэрданем, чувствовал себя униженным до крайности. Даже когда Шаньюй обнял его, он не реагировал. Ему вдруг захотелось умереть.

На следующее утро Шаньюй лично проводил Иэрданя. Едва Шаньюй покинул шатёр, Красавец тут же тихонько поднялся. Не потревожив даже слуг, он оделся, накинул чёрную соболью накидку Шаньюя, прихватил в дорогу еды и воды, взял подаренный Шаньюем украшенный драгоценными камнями кинжал и кнут.

Стража, увидевшая Яньчжи в накидке Шаньюя, направляющуюся к конюшне, не проявила особого беспокойства. Ей даже подали коня.

Красавец сел в седло, отмахнулся от стражи, желавшей сопроводить его, и холодно сказал:

— Я еду к Шаньюю. Вам не нужно следовать за мной.

И он один ускакал из царского двора. Он был готов на всё: его могли поймать, отрубить ему ноги, привязать в конюшне — ему было всё равно. Он не хотел жить. Он хотел сию же секунду сбежать обратно в ханьский дворец.

Стемнело окончательно. Красавец сидел в седле, сознание его было спутанным. Ему почудился далёкий, мелодичный звук флейты, долетающий из ханьского дворца.

Он пытался заглушить боль светлыми воспоминаниями о брате. Он любил брата. Он любил ханьского императора. Любил его мужественную, мягкую улыбку, любил тот глубокий, трогательный взгляд, которым император смотрел на него. Ханьский император и вправду обладал лицом необычайной, утончённой красоты, которое в юности сводило его с ума. Во сне ему виделось, как брат, в белоснежных, лунного оттенка одеждах, с полуулыбкой смотрит на него. Правая рука скрыта за спиной, левая — протянута к нему. На ладони лежит одинокий белый цветок груши.

Именно такими безделушками его и опутали: цветами, травой, маленькими попугайчиками, камушками, пирожными, любовными стишками... Каждую вещицу, подаренную ему ханьским императором, он лелеял, не мог наглядеться. Ведь это был император Великой Хань! Пренебрегая строгими законами и приличиями, он, словно самый простой смертный, словно обыкновенный юноша, говорил ему о любви так искренне и глубоко. Как он мог не ответить сердцем?

Красавец мечтал превратиться в ласточку и улететь в ханьский дворец. Он хотел сесть на плечо императору и каждое утро приносить ему в клюве веточку, покрытую росой. Он так сильно любил брата... Чем сейчас занят брат? Тоскует ли он так же, как тоскую я?

Ему казалось, он умирает. Сердце разрывается на части, слёзы иссушают. Он больше не мог терпеть. Не мог вынести мысли о свадьбе брата, о том, что у него появилась императрица. Ведь это он был его возлюбленным! Его наложницей! Они же договорились: когда брат вернёт его, он станет его единственной наложницей, его единственной императрицей.

Что же пошло не так? Может, он стал грязным, и брат больше не хочет его, не любит? Заблудившись в самообвинениях, в густом тумане отчаяния, он бесцельно водил поводьями по кругу. Конь, скакавший целый день, тяжело дышал, изо рта шла пена. В страхе и темноте он

широко раскрыл глаза и увидел вдали огни. Длинная огненная змея мчалась на него. Отчаянный рёв пронзил его уши:

— Яньчжи—!!!

<http://bllate.org/book/16253/1461978>